

“MEXICAN DIVERTIMENTO” BY JOSEPH BRODSKY: A CULTURE-THROUGH-LANGUAGE ANALYSIS

Roman O. Reinhardt

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. *The article provides a comprehensive culture-through-language analysis of the poetical cycle “Mexican Divertimento” by Joseph Brodsky. It describes the basic principles of its poems’ construction, their stylistic features, interconnections between them, as well as with further elements of the poet’s creative heritage and other authors’ works. The author of the article analyzes the place and role of the Ibero-American theme in Brodsky’s poetry, which has not previously been reflected in experts’ works. Brodsky’s reception of Mexican culture and history episodes from different periods demonstrates his deep knowledge of these issues, which before the trip to Mexico could hardly have been familiar to him. At the same time, the author of the article outlines a number of inaccuracies and errors in history, toponymy, onomastics and other areas, wondering about their intentional or accidental character. Based on the results of the analysis, the article concludes that the cycle under study, while remaining self-sufficient and self-valuable in form and content, organically fits into Brodsky’s stylistic and ideological paradigm of the 1970s-1980s. At the same time, the analyzed text not only has a high artistic value, but also in linguo-cultural terms reflects the peculiarities of Mexican culture, its history, as well as Russian-Mexican cultural ties.*

Key Words: *Joseph Brodsky’s poetry, “Mexican Divertimento”, Mexican culture, culture reception, Russian-Mexican cultural ties*

For citation: Reinhardt R.O. (2021). “Mexican Divertimento” by Joseph Brodsky: a Culture-Through-Language Analysis. *Philology at MGIMO*, 7(3), pp. 86–96. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96>

«МЕКСИКАНСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ» ИОСИФА БРОДСКОГО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р.О. Райнхардт

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье проводится комплексный лингвокультурологический анализ поэтического цикла «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского. Описаны основные принципы построения входящих в него стихотворений, их стилистические особенности, внутренние взаимосвязи между ними, а также их «перекличка» с иными элементами творческого наследия самого поэта и произведениями других авторов. Выявлены место и роль ибероамериканской тематики в поэзии Бродского, которые ранее не находили отражения в трудах специалистов. Рецепция литератором отдельных сюжетов мексиканской культуры и истории различных периодов позволяет судить о его глубоком владении проблематикой, которая до посещения им страны в 1975 году едва ли могла быть знакомой и близкой ему. Вместе с тем, автор статьи приводит ряд неточностей и ошибок по части истории, топонимики, ономастики и иных областей, ставя под сомнение намеренный или случайный характер их допущения поэтом. По итогам анализа сделан вывод о том, что исследуемый цикл, оставаясь по форме и содержанию самодостаточным и самоценным произведением, органично вписывается в стилистическую и мировоззренческую парадигму Бродского 1970-х – 1980-х годов. При этом рассмотренный текст обладает не только высокой художественной ценностью, но в лингвострановедческом плане ярко отражает особенности культуры Мексики, её истории, а также российско-мексиканские культурные связи.

Ключевые слова: поэзия Иосифа Бродского, цикл «Мексиканский дивертисмент», мексиканская культура, рецепция культуры, российско-мексиканские культурные связи

Для цитирования: Райнхардт Р.О. (2021). «Мексиканский дивертисмент» Иосифа Бродского: лингвокультурологический анализ. *Филологические науки в МГИМО*. 7(3), С. 86–96. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-86-96>

1. Введение

В 2020 году исполнилось 130 лет с даты первого установления дипломатических отношений между Россией и Мексикой, а также 45 лет с визита в эту североамериканскую страну Иосифа Бродского. Несмотря на географическую дистанцию и отсутствие какого бы то ни было общего исторического прошлого, Мексика издавна привлекала русских литераторов [12]. В XX веке до Бродского в ней успели побывать Константин Бальмонт и Владимир Маяковский. Их вояжи получили достаточно подробное освещение в трудах отечественных литературоведов и ибероамериканистов [6]; [10]; [13], чего нельзя сказать о посещении страны американским «доном Хосе» (именно так называли Бродского местные жители) родом из Ленинграда.

В обширном корпусе бродсковедческих научных работ данная тема практически не фигурирует. Фрагментарно она затронута в диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Н.С. Гавриловой [3]. Тем не менее даже в этом исследовании Мексика отражается скорее «на полях» при том, что в фокусе анализа находятся образы Англии и США в творчестве поэта. То же можно сказать о недавнем труде Р.Ф. Бекметова [1]. Таким образом, уместно судить о сравнительно низкой степени разработанности проблемы в отечественном научном дискурсе, не говоря уже о зарубежном.

Изначально в историографии двусторонних культурных связей между Россией (СССР) и Мексикой визит Бродского, вынужденно покинувшего Родину в 1972 году, оставался неосвещённым по идеологическим причинам. «Приглашённый поэт» (англ. poet-in-residence: официальное наименование должности) Мичиганского университета отправился на юг для участия в литературном конгрессе. Туда его пригласил коллега – выдающийся общественный и культурный деятель Мексики Октавио Пас. Литератору-путешественнику удалось осмотреть главные достопримечательности страны и проникнуться местным духом, что нашло отражение в цикле из семи стихотворений, озаглавленном «Мексиканский дивертисмент».

Названный цикл выбран нами в качестве объекта анализа. Предмет анализа – место «Мексиканского дивертисмента» в поэзии Бродского, а отражённых в нём идей и взглядов – в мироощущении литератора. Исходная гипотеза сводится к тому, что данное произведение представляет собой выдающийся, однако типичный для «среднего» периода Бродского образец его творчества. Методика исследования предполагает комплексный анализ текста с акцентом на семантических, фонетических, грамматических и других особенностях на фоне исторического и культурологического описания отдельных нюансов, важных с точки зрения понимания смысла стихотворений.

2. Результаты и их обсуждение

В цикл «Мексиканский дивертисмент» (далее – «Дивертисмент») вошли следующие семь стихотворений: «Гуэрнавака», «1867», «Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Мексиканский романсеро», «К Евгению» и «Заметка для энциклопедии» [2, с. 263-272]. Структурно данный цикл допустимо представить и рассмотреть в виде трёхмерной матрицы: Место (τόπος) – Время (χρόνος) – Адресат (παράληπτος).

Говоря о Месте, необходимо выделить Куэрнаваку, Мериду, Мехико-Сити, перешеек Теуантепек и собственно всю страну. При этом то, насколько намеренно Бродский искажил название первой локации («Гуэрнавака») [2, с. 263], сказать сложно. Похожая ситуация с Теуантепекком наблюдается в стихотворении «К Евгению»: в орфографии «Теуантепекском» [2, с. 270] автор сделал звонкой по сути немую [h], возможно, ориентируясь на дореволюционные нормы транскрипции или слыша фрикативное украинское/южнорусское [h]).

О характеристике страны будет сказано ниже, однако здесь важно отметить, что два раза упор сделан на географической трансгрессии. Так, в «Мексиканском романсеро» упоминается приграничный город Ларедо (на одном берегу реки Рио-Гранде располагается мексиканский Нуэво-Ларедо, на другом – техасский Ларедо) [2, с. 269], а в «Заметке для энциклопедии» – уже в более широком плане «плантации, ... переходящие неволью в США» [2, с. 271]. В свою очередь, вышеупомянутый перешеек Теуантепек принято считать северной границей Центральной Америки. Иными словами, пространство подчёркнуто позиционируется как граничащее с северным соседом, то есть США, в ключе как физической, так и политической географии, впоследствии – также и культурной.

В данном контексте самодостаточным произведением, в известной степени выбивающимся из общего ряда, предстаёт «В отеле Континенталь». В смысловом отношении его содержание тесно переплетается с более поздним стихотворением Бродского, датированным 1987 годом:

«Вечер. Развалины геометрии.

Точка, оставшаяся от угла.

Вообще: чем дальше, тем беспредметнее.

Так раздеваются догола» [2, с. 345].

По сути, то и другое допустимо определить как некое поэтическое выражение геометрической топологии в понимании Бродского.

С точки зрения Времени, цикл можно условно разделить на три части. Первая – историческая, включает «Гуэрнаваку» и «1867», вторая – современная («Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Мексиканский романсеро»), третья – смешанная, в которой прошлое сливается с настоящим и в определённом смысле, как будет показано далее, порождает будущее («К Евгению», «Заметка для энциклопедии»).

Наконец, ещё одна ось матрицы – Адресат. «Гуэрнавака» посвящена Октавио Пасу, при этом по форме на одну треть представляет собой послание от имени императора Максимилиана его «брату (и тоже императору) Францу-Иосифу» [2, с. 263], австро-венгерскому монарху. Третий из семи восьмисложников «Мексиканского романсеро», в отличие от обезличенных шести остальных, ровно наполовину посвящён женщине. Скорее всего, имелась в виду бывшая гражданская жена Бродского Марианна Басманова (она же фигурировала в других его произведениях под инициалами «М.Б.»):

«(Я не знал, что существую
пока ты была со мною.)

...

(Покуда я был с тобою,
я видел все вещи в профиль.)

...

(Кто был всё время рядом,
пока ты была со мною?)

...

(Пока ты была со мною,
я не боялся смерти.)» [2, с. 268].

Название «К Евгению» говорит само за себя, хотя Евгений Рейн (именно о нём идёт речь) появляется лишь в последней строфе («Скушно жить, мой Евгений» [2, с. 271]). Остальные стихотворения в плане обращения публичны.

Таким образом, два элемента «Дивертисмента» («Гуернавака» и «К Евгению») суть полноценные эпистолы, причём «Гуернавака» – фактически двойная, такая «метатекстовая матрёшка». Один элемент («Мексиканский романсеро») – завуалированная эпистола. Остальные четыре стихотворения («1867», «Мерида», «В отеле «Континенталь»», «Заметка для энциклопедии») эпистолами не являются.

В итоге, по логике построения анализируемый цикл отражает идею, развиваемую позднее в стихотворении, которым открывается цикл «Часть речи» (1975-1976 годы):

«Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый милая, но не важно
даже кто...» [2, с. 275].

Конвергенция и текстуальное смещение Места, Времени и Адресата именно в таком виде и порядке рождает Слово (λόγος) как ту самую «Часть речи». Ею, в свою очередь, одноимённый цикл закрывается:

«От всего человека вам остаётся часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи» [2, с. 282].

В последней же строке «Дивертисмента», которой предшествует пауза, выраженная на письме пропуском следующей строки, Бродский отправляет Логос в Космос:

«И ящерица на валуне, задрав
головку в небо, будет наблюдать
полёт космического аппарата» [2, с. 272].

Здесь угадывается перифраз из «Песни о Соколе» Максима Горького: «рождённый ползать летать не может». Или «не хочет», как любил шутить друг Бродского Сергей Довлатов [4, с. 209].

Ещё один общий элемент в «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...» и «Заметке для энциклопедии», символизирующий переход, – это ковбой. Именно их образ, на котором в восприятии Бродского «держится один из пяти континентов» [2, с. 275], передаёт американский колорит произведений. Антипод свободных ковбоев – закабалённые пеоны.

Любопытно, что автор решил не обыгрывать омонимичность крестьян-батраков (пеонов) и пеона как стопы античного квантитативного стихосложения. Эта форма была ему бесспорно знакома, хотя попытки инкорпорировать её в русскую силлабо-тоническую поэзию символистами (Андрей Белый, Валерий Брюсов и другие) по существу завершились в Серебряном веке.

Далее имеет смысл рассмотреть отдельные элементы сквозной символики цикла, которые также поддаются группировке.

Первое измерение символики – Литера, которая концептуально видится графической основой Слова (Логоса). В данном контексте обращает на себя внимание четвёртая строка «Гуернаваки». Она представляет собой оригинальную метафору: «сад густ, как тесно набранное Ж» [2, с. 263]. Большинство комментаторов, включая тех, кто детально занимался вопросом образов кириллицы в поэзии Бродского [7], трактуют её буквально: густые заросли действительно внешне

напоминают «жуковатую букву». Анонимный автор тематического поста на ресурсе «Пикабу» даёт более интересную интерпретацию [8]. По его мнению, имеется в виду монограмма Максимилиана или вензель императора и его законной супруги Шарлотты.

Развивая эту мысль, можно также обнаружить звуковую аллюзию с «Женой, сошедшей с ума в Париже» [2, с. 263], которая в том же стихотворении «Гуернавака» противопоставляется «мулатке» [2, с. 264]. Народная молва и вслед за ней и Бродский действительно приписывали Максимилиану роман с местной красавицей смешанных кровей.

Давая ей уже в «1867» вульгарную, однако типичную для него как художественный приём характеристику («где надо – гладко, где надо – шерсть» [2, с. 265]), поэт, видимо, знал и легенду о незаконнорождённом сыне Максимилиана, которому, будь та легенда правдой, полагался бы герб с перевязью влево. Подобная перевязь тоже органично вписалась бы в литеру «Ж». Как известно, данная геральдическая практика дала название одному из романов Владимира Набокова – «Под знаком незаконнорождённых» (1947 год). По неподтверждённым данным, сына Максимилиана от дочери местного садовника звали Хулио Седано [8]. Согласно той же версии, его жизнь сложилась не менее трагично, чем у отца, и тоже закончилась казнью в 1917 году, то есть ровно через полвека после событий, изображённых на знаменитой картине Эдуарда Мане «Расстрел императора Максимилиана». Шарлотта же императору наследников не родила.

К слову, рифма «мулатка – шоколадка» из стихотворения «1867» [2, с. 264] в 1975 году ещё не звучала столь безвкусно, как пару десятилетий спустя.

Другая объясняющая рассматриваемую метафору деталь может крыться в более общей антитезе «М–Ж». Максимилиан в стихотворении «Гуернавака» (в отличие от следующего – «1867») фигурирует ровно пять раз и неизменно как «М.» [2, с. 263-265]. Для носителя советской культуры ассоциации очевидны. Достаточно вспомнить Лёлика из кинофильма Леонида Гайдая 1969 года «Бриллиантовая рука» с его топографическими обозначениями «мэ и жо».

Сам Бродский позднее неоднократно обращался к этому сюжету в самых разных контекстах:

«... Только подумать, сколько
раз, обнаружив «м» в заурядном слове,
перо спотыкалось и выводило брови!

...

... Полицейский на перекрёстке
машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни
вверх» («Декабрь во Флоренции», 1976 год [2, с. 296-297]);

«Говоришь, тебе нравится буква «ж»?

Что ж, это красивая буква нашего языка.

Она издали смахивает на жука

и гипнотизирует мужика» («Театральное. С. Юрскому», 1994 год [2, с. 460]).

Разгадка «гипноза мужика» проста. Находим её в одном из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (1974 год): «Бесстыдство! Как просвечивала жэ!» [2, с. 260]. В связи с этим, можно также отметить одну из характерных рифм Бродского, о которой он сам метатекстуально упоминает в тех же сонетах: рифму падежных форм русских существительных, оканчивающихся на «ж», и слов французского происхождения, имеющих в оригинале суффикс «gé» («неглиже», «протеже» и другие) [2, с. 262].

Наконец, ещё один вариант получения «Ж» – графическое наложение первых двух согласных в написании названия страны, о которой идёт речь, латиницей («Mexico»), или её столицы – кириллицей (Мехико: в данном случае можно наложить даже все три согласных). Не исключены, кстати, и анаграммические вариации [11]. Наличие подобной многослойности во всех её смыслах и проявлениях – очередной образец гениальности поэта.

Буквенно-графическая тема получает вполне закономерное развитие:

«С голой шеей уродлив,
на телеграфном насесте

стервятник – как иероглиф
падали в бурном тексте
автострады...

...

Вечерний Мехико-Сити.

Пляска горячих литер

Кока-Колы ...» («Мексиканский романсеро» [2, с. 267-268]);

затем – вполне ожидаемо:

«Барельефы с разными сценами, снабжённые перевитым
туловищем змеи неразгаданным алфавитом

языка, не знавшего слова «или»» («К Евгению» [2, с. 270]).

С учётом последнего отрывка, становится ясно, что при энциклопедичности знаний Бродский, видимо, не был знаком с достижениями своего соотечественника Юрия Кнорозова – историка, этнографа и основателя советской школы майянистики, труды которого по дешифровке письменности доколумбовых цивилизаций имели мировое значение. Так или иначе, к 1970-м годам алфавит древних мексиканцев уже был разгадан.

Бродский же предпочитает пользоваться собственным алфавитом, причём зачастую не совсем корректным. Так, в его письме Бенито Пабло Хуарес Гарсия становится «Хаурцем» («1867» [2, с. 265]). Это во многом закономерно, поскольку написание фамилии отца «мексиканского Джорджа Вашингтона» (Гарсия – фамилия его матери) поэт впервые увидел скорее всего по-испански – «Juárez».

Как ни странно, подобные пробелы познаний автора в иберийской фонетике и ономастике вносят в стихотворения дополнительную выразительность. В результате на сцену «1867» в пандан аристократичному «Максимильяну» (изысканному в манерах, озорному, но чаще меланхолично-му) выходит «Хуарец» (слуга народа, резкий, жёсткий) [2, с. 264-265].

Позволяет себе Бродский – судя по всему, намеренно – и другие вольности. Так, в уже процитированном выше «скушно» («К Евгению» [2, с. 271]) не до конца ясен звук [ʃ], характерный для старомосковского произношения. Особенно – при обращении одного еврея-ленинградца (Бродского) к другому (Рейну). Более того, декламируя свои стихи, Бродский, как известно, любил подчеркнута произносить [tʃ], даже в словах типа «чтобы». Впрочем, ту же орфографию встречаем и ранее, например, в: «Нам смеяться стыдно и скушно плакать» («Песня невинности, она же – опыта», 1972 год [2, с. 226]).

Помимо этого, несколько загадочно выглядит дефис в третьей строке «1867»: «Тень возвращается подобием бумеранга» [2, с. 264]. Полагаем, что объясняющая гипотеза может заключаться в попытке поэта эскизно изобразить тот самый бумеранг.

Есть и одно «грамматическое хулиганство»: «посредственное кофе» [2, с. 271] как одна из основных статей товарной номенклатуры мексиканского экспорта в «Заметке для энциклопедии». Видимо, местная разновидность напитка так разочаровала автора, что он пренебрежительно определил его в средний род. Впрочем, в настоящее время такой узус уже позволителен.

Второе измерение символики «Мексиканского дивертисмента» – Музыка. Эпистола Максимилиана Францу-Иосифу «Гуернавака» пронизана повторяющимся рефреном «и мой сурок со мной» [2, с. 263-264]. Он взят из популярной песни «Мой сурок» пьесы «Ярмарка в Плундерсвейлере» (1773 год, музыка Людвиг ван Бетховена, стихи Иоганна Вольфганга фон Гёте). Наиболее близкий к оригиналу перевод, которым, скорее всего, пользовался Бродский, принадлежит перу Сергея Заяицкого [5].

Лирический герой названной песни – мальчик-савояр, путешествующий по Германии и Франции с дрессированным грызуном. Интересно, что Максимилиан, насвистывающий эту мелодию, до восшествия на мексиканский престол был вице-королем Ломбардо-Венеции. Её земли по итогам Рисорджименто отошли Савойскому дому, топоним исторических владений которого дал нарицательное имя бродячим певцам. В дореволюционной России такое их обозначение было широко известно и породило, в свою очередь, эстрадную фамилию «Савояров». С творчеством

самого известного её носителя – звезды петроградской эстрады Михаила Савоярова – Бродский мог быть знаком через отца, на детство и юность которого пришёлся пик популярности этого исполнителя. Незамысловатый текст и ля-минорная тональность добавляют в письмо монарха меланхолических красок.

Среди музыкальных вкусов отправителя эпистолы истории также выделяют знаменитую «Голубку» (La Paloma), которую он якобы даже просил послушать перед смертью. Скорее всего, это не более чем красивая легенда. Решительно настроенный Хуарес вряд ли пошёл бы навстречу меломану, которого спешил расстрелять. Зато первое публичное оркестровое исполнение данного произведения баскского композитора Себастьяна де Ирадьер Салаверри, вероятно, имело место в Национальном Большом театре Мехико в присутствии Максимилиана в 1863 году. Как бы то ни было, будучи популярным во всём мире, мотив «Голубки» и поныне устойчиво ассоциируется с Мексикой. Именно с ним автор упомянутого поста на ресурсе «Пикабу» связывает строки «Грустное курлы доносится из плотной синевы» («Гуернавака» [2, с. 263]), справедливо отмечая, что курлыкать могут не только журавли, но и голуби [8]. Подобно «сурковой», «голубиная песенка» тоже очень нежная и милая.

В «1867» их сменяет страстное «то, что станет танго» [2, с. 264], служащее прелюдией к приятному времяпрепровождению Максимилиана с мулаткой. Нужно отметить, что неплохо разбиравшийся в хореографии Бродский, по всей видимости, не учёл обстоятельств появления названного танца. На самом деле он возник несколько южнее, а именно на границе Уругвая и Аргентины, и в другой, отнюдь не аристократической, социальной среде.

Тем не менее именно народные напевы, неподвластные Хроносу, остаются неизменным атрибутом наблюдаемого «певцом, прибывшим издаля» («Гуернавака» [2, с. 263]) антуража. Так, в той же «Гуернаваке» бренчит гитара [2, с. 264], а в вечерней столице:

«Большая любовь к вокалу.

Бродячий оркестр в беседке

горланит «Гвадалахару»» («Мексиканский романсеро» [2, с. 268]).

В качестве проводников музыки в цикле также фигурируют различные птицы: источник «грустного курлы» (будь то журавль или голубка), «дрозд», «три белых утки», «петухи», «птицы с яйцами и без» («Гуернавака» [2, с. 263-264]); попугай («1867» [2, с. 265]), стервятник («Мексиканский романсеро» [2, с. 267]), «вороны» («К Евгению» [2, с. 270]).

Все они что-то символизируют. Дрозд, прежде «щебетавший в шевелюре кипариса» [2, с. 232] в «Письмах римскому другу» (1972 год) и напоминающий «сросшиеся брови» в «Гуернаваке» [2, с. 263], видимо, относится к женщине. Синофриз (монобровь) – особенность внешности многих южанок. В частности, ею славилась мексиканская художница Фрида Кало, любившая подчёркнуть изображение эту деталь на автопортретах.

Остальные образы узнаются довольно легко: три белые утки – невинность и грусть, петухи – революция, птицы с яйцами и без – вопрос преемственности власти, попугай – насмешка и одновременно посредник между земным и потусторонним мирами, стервятник – разруха, вороны – война.

Третье измерение символики исследуемого цикла – Этика. В уста (клюв) попугая Бродский вкладывает присущую его взглядам максиму:

«Презренье к ближнему у нюхающих розы
пускай не лучше, но честней гражданской позы.

И то и это порождает кровь и слёзы» («1867» [2, с. 265]).

Налицо явная переключка с более ранними строками:

«Равенство, брат, исключает братство.

В этом следует разобраться.

Рабство всегда порождает рабство.

Даже с помощью революций» («Речь о пролитом молоке», 1967 год [2, с. 82]).

Далее эта же тема находит развитие в дружеском послании «К Евгению» (Рейну):

«Всё-таки лучше сифилис, лучше жерла

единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Ежели вам глаза суждено скормить воронам,
лучше если убийца – убийца, а не астроном» [2, с. 270-271].

Для сравнения – знаменитое «Но ворюга мне милей, чем кровопийца» из «Писем римскому другу» (1972 год) [2, с. 230]. Ещё один «мостик» между «Гуернавакой» и «Письмами римскому другу» – отправка книг (в первом случае просьба Адресату, во втором – описание вложения от правителя).

Не видим смысла подробно разбирать обозначенные этические трансформации, но выделим ещё одну параллель, свидетельствующую о пацифизме автора и его презрении к любому кровопролитию:

«Здесь пуля есть естественный сквозняк» («Гуернавака» [2, с. 264]);

«Скорость пули при низкой температуре
сильно зависит от свойств мишени

...

Убийство – наивная форма смерти,
тавтология, ария попугая...» («Стихи о зимней кампании 1980-го года», 1980 год [2, с. 355-357]).

Симптоматично, что, если для Максимилиана «вещи, скрашивающие быт» – «хрусталь, шампанское, балы» («Гуернавака» [2, с. 263]), то для его политического противника – «ружьё, обзаведясь которым как-то легче заняться государственным устройством» («Заметка для энциклопедии» [2, с. 271]). То, кому симпатизирует Бродский, а над кем иронизирует, не требует пояснений. Несмотря на декаданс и то, что Зигмунд Фрейд назвал бы латентной танатофилией императора Максимилиана, этот застойный реакционер Бродскому всё же милее, чем противопоставляемый ему прогрессивный революционер Хуарес.

Обратим внимание и на то, что, говоря о стрелковом оружии, в «Гуернаваке» поэт использует метонимию [2, с. 263] («гочкис» – по имени конструктора Бенджамина Беркли Гочкиса, «американского Калашникова» XIX века), но ещё не наделяет оружие свойствами живого. Впоследствии он сделает это в «Стихах о зимней кампании 1980-го года»:

«Механический слон, задирая хобот
в ужасе перед чёрной мышью
мины в снегу, изрыгает к горлу
подступивший комок, одержимый мыслью,
как Магомет, сдвинуть с места гору.

...

...Ходя под себя мазутом,
стынет железо» [2, с. 356].

В целом можно утверждать, что с морально-нравственной точки зрения «Дивертисмент» отражает основные константы мироощущения и мирозерцания Бродского.

Прежде, чем завершить анализ, следует сказать ещё несколько слов об истории и её философии в понимании автора «Дивертисмента». Заметим, что сама по себе тема очень сложна и во многих аспектах уже разработана специалистами [9]. Вместе с тем, наряду с очерченными образами к историческим сюжетам, этногенез мексиканской цивилизации приводится в третьей строфе «Заметки для энциклопедии» [2, с. 271].

Само это стихотворение представляет собой скорее так называемую справку по схеме, ежегодно подготавливаемую каждым посольством и направляемую в центральный аппарат внешнеполитического ведомства.

Структура такой справки в «Заметке для энциклопедии» выдержана: общие сведения о стране, исторический фон, экономика, внутренняя и внешняя политика, двусторонние связи с Россией. Удивительно, как далёкий от дипломатии Бродский самостоятельно, да ещё и в поэтической форме сумел профессионально и грамотно составить такой документ. Возможно, сказалось влияние хозяина, у которого гостил поэт, – Октавио Паса. Последний, его коллега по литературному цеху, получил Нобелевскую премию на три года позже гостя, а именно в 1990 году. Ранее, в 1952 году,

Пас был поверенным в делах посольства Мексики в Японии, с 1962 года по 1968 год – послом в Индии. В промежутке между занятием этих постов также работал в диппредставительствах своей страны в Женеве и Париже. Однако в изящной словесности даже ему не удавалось так ёмко и образно отразить обозначенные сюжеты.

Про географию было сказано выше. Экономический блок «Заметки для энциклопедии» посвящён внешней торговле и, в частности, отсутствию импортозамещения. Исторический включает занятую параллель:

«История страны грустна; однако,
нельзя сказать, чтоб уникальна. Главным
злом признано вторжение испанцев
и варварское разрушение древней
цивилизации ацтеков. Это
есть местный комплекс Золотой Орды.
С той разницею, впрочем, что испанцы
действительно разжились золотишком» [2, с. 271].

В отношении недавнего прошлого и настоящего Бродский не идеализирует объект изучения. Квинтэссенция его описания сводится к лапидарной характеристике «прекрасная и нищая страна» («Заметка для энциклопедии» [2, с. 271]). При этом отражения нищеты равномерно распределены по всему тексту цикла. Что касается прогноза дальнейших перспектив развития государства в заключительном стихотворении «Дивертисмента», автор тоже скорее пессимистичен и, как показала история, не без оснований [12].

3. Выводы и заключение

По результатам проведённого анализа уместно сделать следующие выводы. Во-первых, «Дивертисмент» представляет собой довольно типичный ряд стихотворений Бродского как с точки зрения стилистики (тропы, размер, манера речи), так и с точки зрения этических установок автора. Они органично объединяются в цикл, при этом каждое из них самоценно. Тем не менее полнота восприятия читателем достигается именно благодаря последовательному прочтению. Несмотря на увеселительный оттенок в названии («дивертисмент» – от франц. *se divertir* – развлекаться), Бродский поднимает в цикле серьёзные, местами довольно грустные темы.

Любопытно, что в русском культурном контексте «дивертисмент» используется главным образом в балетной терминологии. Данный пласт тоже был близок поэту: «Классический балет есть замок красоты...», напишет он Михаилу Барышникову спустя год после поездки в Мексику [2, с. 272]. Это ещё раз подтверждает сообразность тематики и мелодики чувствам и мыслям, занимавшим Бродского в рассматриваемый период.

Во-вторых, тексты стихотворений исследуемого цикла содержат ряд несущественных в смысловом отношении ошибок. С одной стороны, такие погрешности можно условно разделить на две группы – формальные и содержательные. В первую группу входят неточности передачи двух топонимов («Гуернавака» вместо «Куэрнавака» и «тегуанпетекский» вместо «теуанпетекский»), одного антропонима («Хуарец» вместо «Хуарес»), а также по одному фонетическому («скушно») и грамматическому («кофе» в среднем роде) огреху. Во вторую – два культурологических анахронизма: обстоятельства возникновения танца танго и дешифровка письменности майя.

С другой стороны, с точки зрения интенции, предполагаем, что одни ошибки были сделаны автором ненамеренно, в то время как допущение других вполне могло носить осознанный характер. К допущенным ненамеренно относим первые две формальные и последние две (содержательные) из перечисленных выше погрешностей. Они, судя по всему, были обусловлены всё-таки довольно поверхностным знакомством Бродского с испанским языком (фонетика и ономастика), а также отчасти с ибероамериканской проблематикой как таковой. К внесённым в текст намеренно – остальные указанные здесь лингвистические вольности, которые можно рассматривать в качестве своеобразных художественных приёмов. При этом и те, и другие слу-

жат средствами выразительности, придавая тексту особый, неповторимый и неподражаемый колорит.

Наконец, в-третьих, с позиций лингвострановедения интересно и до некоторой степени неординарно то, как Бродскому в ходе первого и недолгого знакомства с Мексикой удалось так глубоко погрузиться в её историю и культуру. Ведь несмотря на обозначенные погрешности, при ознакомлении с текстом у читателя возникает ощущение, будто автор – искушённый знаток страны, её обычаев и нравов, и уж точно не случайный турист. Объяснением этому феномену может служить наблюдательность Бродского, его внимание к деталям, а также общение с выдающимся представителем местной творческой элиты – поэтом и профессиональным дипломатом Октавио Пасом. В результате, за счёт сочетания всех описанных факторов, цикл стихотворений «Мексиканский дивертисмент» предстаёт не только ценным в стилистическом и художественном отношении, но и весьма значимым с точки зрения отражения мексиканской культуры и российско-мексиканских культурных связей в рецепции Бродского.

© Р.О. Райнхардт, 2021

Список литературы

1. Бекетов Р.Ф. «Родина» и «Чужбина» в поэзии Иосифа Бродского (несколько замечаний к проблеме авторской аксиологии в контексте школьного преподавания курса истории русской классической литературы) / Р.Ф. Бекетов // *Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 2018. P.12-17.
2. Бродский И.А. Избранные стихотворения / И.А. Бродский; послесл. Э. Безносова; худож. А. Неровный. М.: Панорама, 1994. 496 с.
3. Гаврилова Н.С. Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык / Н.С. Гаврилова // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск: Томский государственный университет. 2007. 27 с.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т.4. / С.Д. Довлатов. СПб.: Азбука-классика, 2008. 480 с.
5. Заяицкий С.С. Избранные поэтические переводы [Электронный ресурс] / С.С. Заяицкий – URL: http://www.azlib.ru/z/zajaickij_s_s/text_0020.shtml (дата доступа: 10.09.2021)
6. Земсков В.Б. И Мексика возникла, виденье вдохновенное... К.Д. Бальмонт и поэзия индейцев / В.Б. Земсков // *Латинская Америка*. 1976. №3. С.170-182.
7. Ионова И.А. Образ и образы кириллицы в русской поэзии / И.А. Ионова // *Русин*. 2005. № 2(2). С.187-196.
8. Император Мексики Максимилиан в стихотворениях Иосифа Бродского [Электронный ресурс] – URL: https://pikabu.ru/story/imperator_meksiki_maksimilian_v_stikhotvoreniyakh_iosifa_brodskogo_5758691 (дата доступа: 10.09.2021)
9. Кобеляцкая И.И. Проблема исторической личности в творчестве Иосифа Бродского / И.И. Кобеляцкая // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. №2. С.53-63.
10. Кэмрад С.С. Полпред стиха (к 65-летию со дня рождения В.В. Маяковского) / С.С. Кэмрад // *Дружба народов*. №7. 1958. С.201-218.
11. Преображенский С.Ю. Анаграммы «масло» или «ослам»? (И. Бродский как анаграммист) / С.Ю. Преображенский, О.Я. Бараш // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты*. Материалы XVI-й Международной научной конференции. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С.167-168.
12. Райнхардт Р.О. Россия и Мексика: 130 лет отношений сквозь призму дипломатии и русской поэзии / Р.О. Райнхардт // *Ибероамериканские тетради*. 2020. №1(8). С.84-96.
13. Рождественская И.С. Письма К.Д. Бальмонта к Е.А. Ляцкому (с комментариями) / И.С. Рождественская // *Русская литература*. 1975. №2. С.194-201.

References

1. Beketov, R.F. «Rodina» i «Chuzhbina» v poezii Iosifa Brodskogo (neskol'ko zamechanii k probleme avtorskoj aksiologii v kontekste shkol'nogo prepodavaniia kursa istorii russkoi klassicheskoi literatury) [«Homeland» and «Foreign Land» in the poetry of Joseph Brodsky (a few remarks on the problem of the author's axiology in the context of school teaching of the history of Russian classical literature)] / R.F. Beketov // *Problems of modern education. Materials of the IX international scientific conference*. 2018. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r., 2018. P.12-17.
2. Brodsky, J.A. *Izbrannye stikhotvoreniia* [Selected poems] / J.A. Brodsky; afterword by E. Beznosov; illustrated by A. Nerovnyi. Moscow: Panorama, 1994. 496 p.

3. Gavrilova, N.S. *Anglo-amerikanskii mir v retseptsii I. Brodskogo: real'nost', poeziia, iazyk* : Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Anglo-American world in I. Brodsky's reception: reality, poetry, language / N.S. Gavrilova : Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2007. 27 p.
4. Dovlatov, S.D. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T.4*. [Complete works in 4 volumes. Vol.4] / S.D. Dovlatov. Saint Petersburg: Azbuka-classica, 2008. 480 p.
5. Zayitsky, S.S. Izbrannye poeticheskie perevody [Selected Poetic Translations] [Electronic resource] / S.S. Zayitsky // Lib.ru/Classics, www.azlib.ru/z/zajaickij_s_s/text_0020.shtml (Accessed: 10 September 2021)
6. Zemskov, V.B. I Meksika vznikla, viden'e vdokhnovennoe... K.D. Bal'mont i poeziia indeitsev [And Mexico arose, an inspired vision ... K.D. Balmont and the poetry of the Indians] / V.B. Zemskov // *Latin America*. 1976. №3. P.170-182.
7. Ionova, I.A. Obraz i obrazy kirillitsy v russkoi poezii [The image and images of the Cyrillic alphabet in Russian poetry] / I.A. Ionova // *Rusin*. 2005. №2(2). P.187-196.
8. Imperator Meksiki Maksimilian v stikhotvoreniakh Iosifa Brodskogo [The Emperor of Mexico Maximilian in the poems of Joseph Brodsky] [Electronic resource], pikabu.ru/story/imperator_meksiki_maksimilian_v_stikhotvoreniyakh_iosifa_brodskogo_5758691 (Accessed: 10 September 2021)
9. Kobelyatskaya, I.I. Problema istoricheskoi lichnosti v tvorchestve Iosifa Brodskogo [The problem of historical personality in the works of Joseph Brodsky] / I.I. Kobelyatskaya // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism*. 2011. №2. P.53-63.
10. Kamrad, S.S. Polpred stikha (k 65-letiiu so dnia rozhdeniia V.V. Maiakovskogo) [Plenipotentiary of the verse (to the 65th anniversary of the birth of V.V. Mayakovsky)] / S.S. Kamrad // *Friendship of peoples*. 1958. №7. P.201-218.
11. Preobrazhensky, S.Yu. Anagrammy «maslo» ili «oslam»? (I. Brodskij kak anagrammist) [Anagrams «butter» or «donkeys»? (J. Brodsky as an anagrammist)] / S.Yu. Preobrazhensky, O.Ya. Barash // *Jazyk i myshlenie: Psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty. Materialy XVI-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Orekhovo-Zuyevo: Gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnologicheskii universitet, 2016. P.167-168.
12. Reinhardt, R.O. Rossiia i Meksika: 130 let otnoshenii skvoz' prizmu diplomatii i russkoi poezii [Russia and Mexico: 130 years of relations through the prism of diplomacy and Russian poetry] / R.O. Reinhardt // *Iberoamerican papers*. 2020. №1(8). P. 84-96.
13. Rozhdesvenskaya, I.S. Pis'ma K.D. Bal'monta k E.A. Liatskomu (s kommentariiami) [K.D. Balmont's letters to E.A. Lyatsky (with comments)] / I.S. Rozhdesvenskaya // *Russian literature*. 1975. №2. P.194-201.

Сведения об авторе:

Райнхардт Роман Отмарович – кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: международное гуманитарное сотрудничество, культурная дипломатия, ибероамериканистика, лингвокультурология, И.А. Бродский. E-mail: r.reinhardt@inno.mgimo.ru

About the author:

Roman O. Reinhardt – PhD, Associate Professor of Department of Diplomacy, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: international humanitarian cooperation, cultural diplomacy, culture-through-language studies, Ibero-American studies, Joseph Brodsky. E-mail: r.reinhardt@inno.mgimo.ru

* * *